

ОТ РЕДАКТОРОВ

Книга М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского «Символ и сознание», впервые увидевшая свет в 1982 году в иерусалимском издательстве*, хорошо известна в России. В 1997 году издательство «Школа «Языки русской культуры»» опубликовало «Символ и сознание»** в обновленной редакции одного из авторов книги, А.М. Пятигорского, и неоднократно ее переиздавало. Каков же резон нашего издания?

Ни в коей мере не претендуя на академическую окончательность, мы пытаемся познакомить читателя с известными на сегодняшний день вариантами этого текста.

Базовым для нас является иерусалимское издание 1982 года, поскольку оно готовилось к печати обоими авторами. Оно отличается от московского, осуществлявшегося уже после смерти Мераба Константиновича Мамардашвили. Иерусалимский вариант не совпадает, кроме того, с машинописным вариантом, сохранившимся в архиве Мамардашвили. В свою очередь, машинопись хранит правку и дополнения Мераба Константиновича, которые лишь частично учтены в тексте иерусалимского издания. Возможно, было несколько этапов редактирования, в том числе и после выхода книги в свет.

Здесь необходимо сказать несколько слов об истории создания книги «Символ и сознание».

Как вспоминает Александр Моисеевич Пятигорский***, идея совместной работы возникла у будущих соавторов в начале лета 1969 года, когда они «абсолютно случайно» встретились после многолетнего перерыва. Мамардашвили был в то время заместителем главного редактора «Вопросов философии», а Пятигорский работал в ИНИОНе.

---

* Символ и сознание (Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке). Иерусалим: Иерусалимский магазин русской книги «Малер», 1982.

** Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.

*** Здесь и далее приводятся воспоминания А.М. Пятигорского, которыми он поделился в беседах с одним из редакторов данного издания, Андреем Парамоновым, в связи с настоящей публикацией.

С осени того же года они начинают встречаться у Мамардашвили дома для совместных занятий, начало которым положили разговоры о сознании или, как они их тогда называли, беседы по феноменологии сознания. «Не принимая что-либо в качестве образца мышления, мы просто решили разговаривать о том, что каждый из нас думает о сознании. Беседы складывались из быстрых реплик и мгновенных ответов, — вспоминает А.М. Пятигорский. — Мы работали очень интенсивно. Иногда беседы могли продолжаться до позднего вечера, так что Мераб просил наших друзей не приходить в такие дни в гости. В то время Мераб активно читал Гуссерля. В наших разговорах он часто отталкивался от модернистской, главным образом французской, поэзии и искусства в целом». Позицию Пятигорского, по его собственному свидетельству, определяли углублявшийся кризис в отношениях с московско-тартуской семиотической школой, одним из основателей и активных деятелей которой он являлся, и растущая неудовлетворенность семиотическими теориями. Совместные обсуждения оказались своего рода попыткой осуществления «другого мышления».

Итогом этих многочасовых разговоров стала большая статья «Три беседы о метатеории сознания», подготовленная соавторами на основе расшифровки магнитофонных записей их бесед и названная так по содержательным причинам, а не по числу встреч.

В 1971 году «Три беседы...» выходят в тартуском сборнике*. Эта публикация оказалась возможной благодаря инициативе Ю.М. Лотмана. По свидетельству Пятигорского, на Лотмана оказывалось сильное давление в связи с его решением издать статью, но не со стороны советской власти, а со стороны научного сообщества. Некоторые филологи и семиотики встретили публикацию крайне отрицательно, вплоть до заявлений**, что этим шагом Лотман скомпрометировал «хорошее» академическое издание.

---

* Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Три беседы о метатеории сознания. (Краткое введение в теорию виджнянавады) // Труды по знаковым системам. Т. V. Тарту, 1971. С.345-376.

** Так, В.Н. Топоров упрекал Ю.М. Лотмана в публикации «статей субъективных и ненаучных». По предположению последнего, имелась в виду именно эта статья (см.: Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Переписка. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 203). В работе «A meta-philosophical comment on Toporov's conception of "historical symbolism"» (Wiener slawistischer Almanach Bd. 4 [1979]) Пятигорский, отталки-

По замыслу авторов «Три беседы...» должны были стать исходным материалом для работы над будущей книгой о сознании. «Мы должны были переработать их в книгу, — вспоминает Пятигорский, — но мы уже знали, что через два года я покину страну. Я принял такое решение»*. В таких обстоятельствах о публикации книги в СССР не могло быть и речи, но идея написания совместного труда не была отброшена. Текст собирался из наработок и совместных обсуждений авторов по всему корпусу будущей книги. По настоянию Мамардашвили в качестве приложения был взят материал по проблеме межкультурных коммуникаций, который Пятигорский подготовил по личному заказу Лотмана еще до публикации «Трех бесед...».

Работа над книгой осложнялась и другими обстоятельствами. В конце 1971 года по указанию комиссии парткома МГУ были отменены курсы лекций сначала у Мамардашвили, потом у Пятигорского, которые они читали в университете. [Незадолго до этого в МГУ был отменен еще один курс лекций, его читал С.С. Аверинцев.] В последующие два с половиной года вплоть до своего отъезда Пятигорский уже не будет иметь возможности вернуться к преподаванию. Осенью 1972 года Мамардашвили по приглашению А.Н. Леонтьева, возглавлявшего в те годы психологический факультет МГУ, прочтет для студентов-психологов семестровый курс лекции по методологии психологии**, который до этого вел Э.В. Ильенков***. Такой же курс Мераб Константинович прочтет и осенью 1973 года, но это будет его последним завершенным курсом лекций в московском университете.

ваясь от положений Топорова, защищает ту же концепцию отношений символа и сознания, которая развивается в их с Мамардашвили совместной работе.

В беседе А.М. Пятигорский так прокомментировал высказанный упрек: «Сегодня, когда все это осталось позади, я могу согласиться с вынесенной оценкой. Конечно, статья “ненаучная” в том смысле, что введение аксиоматики сознания означало отказ от семиотического и в целом от научно-позитивистского подхода. На память приходит сказанное Мерабом, когда мы еще только приступали к написанию статьи: “Ну, ты помнишь. Главное — она не должна быть научной”».

* Решение эмигрировать А.М. Пятигорский принял по собственному выбору.

** Этот курс лекций в архивных материалах Мамардашвили называется «Методологические проблемы сознания».

*** Интервью с В.П. Зинченко // Журнал практического психолога. 2003, № 1-2.

АП... определенным образом конституирующий в себе материал ..

ММ
... который содержит определенные связи из которого раз-
ветвляется система сознания. В этом смысле понятие "струк-
тура сознания" является объяснительным понятием по отношению,
например, к мифологии или к идеологической системе ....

АП
... а не наоборот, - как делают ^{Сомнительно, фундаментальное} ~~субъективные~~ ~~символические~~ ~~и семиотические~~

ММ
Совершенно верно. Потому что мы предполагаем, что фактиче-
ски структура сознания есть поле возможностей и возможных
связей по отношению к системе мифологической, например.
Т.е. это есть элемент мифологической системы. Тем самым мы
можем на уровне какого то, может быть, ^{абстрактно-реалистического} ~~осмысле-~~
ния выводить, раскручивая на объяснительном уровне, связи
идеологической, мифологической системы, которые сами в идео-
логической и мифологической системе даны на уровне рефлексии
на уровне фальсифицированного часто самоотчета субъектов мифа
и субъектов идеологии и т.д., и т.д. и само понятие структу-
ры сознания позволяет нам завоевывать объективные точки от-
счета по отношению ко всем системам ^{учу} ~~отчета~~ людей, субъектов,
находящихся внутри мифологической системы, внутри идеологи-
ческой системы, внутри системы умозрения ^{вернее} ~~или~~ тех элементов
системы умозрения, которые мы относим к сознанию и рассматри-
ваем как сознание. И в связи с этим различием, которое
фактически привело нас к проблеме субъектов мифологических,
идеологических и других систем, т.е. уже к проблеме...

Страница из подготовительных материалов к статье
«Три беседы о метатеории сознания».

Из архива М.К. Мамардашвили

К началу 1974 года уже стало ясно, что Мамардашвили придется оставить работу в «Вопросах философии». На психологическом факультете МГУ в весеннем семестре он приступает к чтению расширенного и рассчитанного уже на два семестра курса лекций, который теперь называется «Проблемы анализа сознания в классической и современной философии». Но прочесть ему удастся лишь «классическую» часть*. Весной 1974 года А.Н. Леонтьеву позвонят из ЦК и потребуют «убрать» Мамардашвили с факультета, и когда Алексей Николаевич категорически откажется это сделать, Мамардашвили будет уволен из МГУ по приказу ректора**.

Однако идею написания книги авторам осуществить удается. В машинописном варианте из архива Мамардашвили (как и в последующих изданиях) предваряющее книгу предисловие «От авторов» датируется: Москва — Химки-Ховрино, 1.1973—1.1974.

1 июля 1974 года Пятигорский покидает СССР, он отправляется в Лондон. «Когда меня провожали, последними, кого я видел перед отлетом, были Мераб Мамардашвили и Юрий Левада, — вспоминает он. — Мераб и Юра сопровождали меня вплоть до красной пограничной линии». В.П. Зинченко, хорошо знавший Мамардашвили и Пятигорского, вспоминая совместную работу своих друзей, заметил как-то: «Они же были уверены, что никогда в жизни не встретятся. <...> Там было совершенно замечательное посвящение: "Авторы — друг другу". Прощались»***.

По действовавшим тогда правилам в список того, что выезжавшим из СССР не разрешалось брать с собой, помимо официальных документов (аттестатов, дипломов) попадали и рукописи, поэтому все подготовленные к тому времени материалы остались в Москве. Но друзья переписываются, Мамардашвили регулярно звонит в Лондон. Пятигорский вспоминает: «В Лондоне ко мне нередко заходили знакомые и друзья, приезжавшие в командировку из России, но звонить мне по телефону из Москвы опасались. Мераб был единствен-

---

* Продолжением этого курса будут лекции по анализу сознания, которые в 1976 году Мамардашвили прочтет аспирантам Института общей и педагогической психологии и Института технической эстетики. Позднее весь курс лекций получит название «Проблемы анализа сознания. К основаниям научной рациональности».

** Интервью с В.П. Зинченко // Журнал практического психолога. 2003, № 1-2.

*** Пять вечеров с профессором Зинченко. Вечер первый. О философах, психологах и харизмейкерах // Новая газета. Цветной выпуск от 3 октября 2008 г.

ный, кто не боялся. А потом, в 80-е, когда приезжал в Москву уже из Тбилиси*, звонил прямо с Центрального почтамта, что на бывшей улице Горького». Какие-то материалы им удается переправлять друг другу через зарубежных знакомых и коллег, приехавших в Лондон или Москву. По всей вероятности, в 1976 году через Эрнеста Геллера, известного английского социолога и антрополога, который в то время бывал в Москве и по рекомендации Пятигорского познакомился с Мамардашвили, последнему удается переслать Пятигорскому копию машинописного варианта книги со своими внесенными на тот момент исправлениями. Предположительно оригинал этого машинописного варианта с рукописными исправлениями Мамардашвили и сохранился в московском архиве.

Ясного плана публикации книги на тот момент еще не было, и Мамардашвили продолжает работать над текстом, вносить исправления и дополнения в свой машинописный вариант. В 1978 году Пятигорский передает материалы книги для написания предисловия эмигрировавшей к тому времени в США Лидии Ворониной**, бывшей слушательнице его и Мамардашвили лекционных курсов. Как вспоминает Александр Моисеевич, над окончательным вариантом текста он наиболее активно работал с 1980 по 1982 годы вдали от Лондона, во время своих приездов к родителям в Иерусалим. Там же он познакомился с будущим издателем книги Изей Малером.

Непрозрачность границ, затрудненность связи между Москвой, Лондоном и Иерусалимом осложняли подготовку книги к печати, поэтому в иерусалимский текст вошел, судя по всему, лишь ранний слой правки из машинописного варианта Мамардашвили. Естественно, что множество исправлений, сделанных Пятигорским при подготовке иерусалимского издания, не имеют соответствия в машинописи Мамардашвили, а продолжавшаяся работа последнего с текстом не нашла отражения в иерусалимском издании.

Нисколько не преуменьшая значения выхода в 1982 году иерусалимского издания, нельзя не признать, что идеи этой книги стали известны в СССР несколькими годами раньше. По всей видимости, уже с конца 1974 года ксерокопии существовавшего на тот мо-

---

* В 1980 году Мамардашвили вынужден был переехать из Москвы в Тбилиси.

** Предисловие Лидии Ворониной к иерусалимскому изданию мы решили не включать в данное издание.

мент машинописного варианта «Символа и сознания» начинают расходиться сначала по Москве, а потом и по стране.

Философский труд не может закончиться и предметиться в письме, тем более труд, связанный со столь кардинальной попыткой метатеоретического описания сознания, которую предпринимают М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорский. Ни один из текстов, которые сведены вместе в этой книге, не может считаться окончательным, но каждый из них есть реализация инварианта.

Эти реализации мы попытались представить в системе сносок и примечаний. Постраничные примечания, помеченные в тексте звездочками, принадлежат авторам. В качестве редакторских использованы концевые сноски трех типов: сноски первого типа — ¹¹ — показывают различия рукописи и иерусалимского издания, второго — ¹² — позднейшую работу М.К. Мамардашвили над текстом рукописи, третьего — <с. 1> — отсылают к тексту соответствующей страницы московского издания и ставятся в начале измененного или удаленного фрагмента.

Текст иерусалимского издания по сравнению с машинописным вариантом Мамардашвили отличается стилистической правкой, ряд фрагментов в нем отсутствует, но есть и новые. Особенно серьезным изменениям подверглись §§ 3 и 4 Приложения ко второй главе.

В последующем московском издании текст 1982 года был заново стилистически переработан и частично сокращен. Так, было исключено приложение ко второй главе. Кроме того, изменились интерпретации или семантические акцентуации некоторых, в том числе и ключевых, понятий. Например, к трем основным постулатам симвонологии прибавился четвертый (с изменением нумерации).

В примечаниях мы постарались продемонстрировать, с одной стороны, купюры, сделанные в тексте, с другой — появившиеся в нем новые интерпретации.

Исправления и дополнения, внесенные в текст, даны с пометой [испр.], [вставлено]; купюры, сделанные при преобразовании текста 1982 года в текст 1997 года помечены словами [удалено]; комментарии на полях (в записях М.К. Мамардашвили) обозначаются [на полях]. Фрагменты машинописного текста, не вошедшие в иерусалимское издание, по умолчанию являются удаленными или исправленными на представленный в примечании вариант. Переход от исходного варианта к окончательному показан стрелками.

В тексте сохранены выделения семантически важных мест, которые были приняты еще в иерусалимском издании: в целом, разрядка соответствует прерывистому подчеркиванию, а полужирный шрифт — сплошному подчеркиванию в рукописи. В заботе о сохранении структурности и «читаемости» данного свода мы не стали указывать те чисто стилистические изменения, которые претерпевал текст на каждом этапе своей жизни. Филологическая акрибия в данном случае не соответствовала замыслу издания и, как кажется, установкам самих авторов. Но семантические перемены, даже минимальные, мы старались отразить. За сопоставление текстов, создание системы примечаний и частично редактуру ответственность несет Виктория Файбышенко.

Общее редактирование, а так же исследование истории текста, взял на себя Андрей Парамонов. С согласия А.М. Пятигорского и Е.М. Мамардашвили внесены минимальные стилистические изменения, уточнена разбивка на абзацы и упорядочена пунктуация. Нельзя не отметить огромную работу корректора, выполненную Ч.А. Скруль.

В приложении к данному изданию представлена статья М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского «Три беседы о мета-теории сознания. (Краткое введение в теорию виджнянавады)», ставшая первым подступом к книге «Символ и сознание».

Таким образом, предлагаемая читателю книга является своего рода фиксацией опыта сознания о сознании, опыта, который развертывался в течение десятилетий и который мы попытались, крайне несовершенно, «свернуть» в систему сносок и примечаний.

В работе над данной книгой должен был принять участие Владимир Валентинович Калинин. Он планировал написать вводную статью, но его работу оборвала смерть. Второго мая 2008 года Владимира Валентиновича не стало.

Мы выражаем признательность Андрею Егорову, В.П. Зинченко, Олегу Никифорову, И.А. Петуховой, А.А. Пузырею и всем, кто помогал нам на том или ином этапе работы.

Мы особенно благодарны Елене Мамардашвили за деятельное участие в подготовке этой книги.

*Андрей Парамонов,
Виктория Файбышенко
Москва, февраль 2009 г.*